

"Я схожу с ума".

Ён Хо Джон, запертый в зале предков, ворчал.

'Ты всё такой же беспощадный'.

После окончания ритуала отец, войдя в свой кабинет, одним предложением определил наказание для сына.

"Ты пробудешь в зале предков три дня и будешь просить прощения у своих предков".

Сказав это, отец сразу же отправился по своим делам. Он даже не взглянул на Ён Хо Джона.

Сын был даже рад этому. Со временем воспоминания имеют свойство сжиматься или раздвигаться, но отец был в точности таким, каким он его помнил.

Именно поэтому он чувствовал реальность и был уверен, что вернулся в прошлое.

...Хотя ему не нравилось то, что его заперли на три дня.

Ён Хо Джон, прислонив голову к стене, снова задумался.

'Как такое возможно?'

Именно над этим он больше всего размышлял в течение полудня с тех пор, как его заперли в зале предков.

Он не знал, есть ли загробная жизнь, но был уверен, что в прошлое не возвращаются. Если бы все возвращались в прошлое после смерти, мир погрузился бы в хаос.

Другими словами, его возвращение не было обычным делом.

'Мне нужно узнать, почему. Неизвестное явление рано или поздно вызовет проблемы'.

То же самое касалось и боевых искусств. Достижение большего, чем просто усилия, должно иметь причину, и если её игнорировать, жизнь будет в опасности.

Вот почему он не мог быть счастлив, несмотря на то, что вернулся в прошлое.

Погруженный в свои мысли, он вздохнул.

"Чёрт возьми, это не та проблема, которую можно решить размышлениями".

Ему нужны были какие-то базовые знания, чтобы сделать хотя бы предположение.

Немного поразмыслив, Ён Хо Джон оставил свои тревоги.

'В любом случае, нет никаких подозрительных признаков, так что пока этим и ограничимся'.

Он вернулся в прошлое, поэтому его тело тоже было телом из прошлого.

Но его утончённая душа по-прежнему была душой Императора Тьмы, лидера Неортодоксального Пути.

Его чувства, которые превосходили человеческие пределы, говорили ему: всё в порядке. Нет

ответа, о котором стоит беспокоиться, так что пока забудь об этом.

Отпустив свои тревоги, он почувствовал себя лучше.

'Я могу ещё раз прожить ту жизнь, которую упустил... Могу ли я избавиться от сожалений и печалей прошлого?'

Его сердце заколотилось.

В детстве он совершил много ошибок. На самом деле, это было больше похоже на вспышки робкого человека, который не мог приспособиться к окружающей среде.

Вот почему у него было много сожалений.

Если бы он был немного спокойнее, немного осторожнее и немного смелее...

Тогда его прошлое было бы совсем другим.

Он горько улыбнулся, и его глаза сверкнули.

'Погодите-ка, это ведь ненормально, так ведь?'

Дело было не только в вопросе возвращения.

Он встал, сам того не осознавая.

'Сколько мне сейчас лет?'

Это должно было быть гораздо более далёкое прошлое, чем двадцать шесть лет назад. Клан был в порядке и жил мирно.

Тогда мне ещё нет и двадцати лет, верно?

'Судя по внешности Чжи Пёна, ему около пятнадцати-шестнадцати. Тогда мне восемнадцать или девятнадцать?'

Это было слишком далёкое прошлое, даже если он накопил большой опыт в боевых искусствах. Он не мог вспомнить, когда это было, просто глядя на лица отца и брата.

Он забыл прошлое и слишком долго бежал вперёд.

'Тогда!..'

Судя по погоде, сейчас осень.

Это означало, что до уничтожения клана, у него оставалось от силы шесть месяцев, а самое большее — полтора года.

'Чёрт возьми!'

Он забеспокоился. Не время сидеть сложа руки.

Он поспешно открыл дверь зала предков.

Звяк!

"Ха?!"

Удивлёнными глазами он посмотрел на мальчика, стоявшего за дверью.

Белоснежная кожа. Он был довольно высоким, но ясные глаза и милый вид делали его очень юным.

"Чжи Пён?"

"Брат? Ты куда?"

"Ха? Э-э... Это..."

Он понял, что ему некуда идти, когда он попытался выйти. Он отреагировал, сам того не осознавая, потому что понял, как мало у него времени.

Чжи Пён моргнул.

"Ты же не можешь покидать зал предков, да? Разве отец не сказал, что ты будешь наказан на три дня?"

"...Верно".

"Ой! Нет, ты не можешь. Отряд Летающих Орлов патрулирует здесь. Если тебя поймают, ты получишь вот это, вот это".

Чжи Пён провёл ладонью по шее. Это был довольно свирепый жест, но его выражение лица было настолько невинным, что Ён Хо Джон рассмеялся.

"Кстати, а ты что здесь делаешь?"

"Хе-хе, из моего дома есть короткий путь к лесу за залом предков. Я прокопал лаз".

"Лаз?"

"Да".

"Зачем?.."

Чжи Пён вытащил из-за пазухи толстый свёрток и гордо протянул его.

"Вот!"

"?.."

"..."

"Что это?"

Чжи Пён застенчиво почесал голову.

"Рисовые шарики".

"Рисовые шарики?"

"Это слишком жестоко — морить тебя голодом, даже если ты наказан. Ты должен пить воду и прожить три дня, это неправильно".

"А что, если тебя отругает отец?"

"Эй, он не будет ругать меня за это".

Ещё как будет.

В любом случае, он не мог винить его за то, что тот принёс рисовые шарики.

"Входи".

"Да!"

Чжи Пён с хихиканьем вошёл в зал предков и быстро развязал свёрток. Появились три рисовых шарика с лёгким паром.

Ён Хо Джон взял рисовый шарик. Он был размером почти с его лицо.

"Ты голоден? Ешь побольше. Я принесу тебе ещё завтра".

Ён Хо Джон посмотрел на Чжи Пёна, который смотрел на рисовый шарик.

Он всё время улыбался, но Ён Хо Джон чувствовал странную тревогу, скрытую за улыбкой брата.

И он лучше, чем кто-либо, знал, что это за тревога.

"Чжи Пён".

"Да?"

Ён Хо Джон на мгновение замолчал.

Что ему сказать первым делом? Он был в растерянности.

Вспоминая свои прошлые ошибки, он ещё отчётливее чувствовал их, глядя на брата. Нет жизни без сожалений, но больше всего он сожалел о том, что было связано с его братом.

И это нельзя было откладывать.

Хорошо всё обдумав, Ён Хо Джон честно признался.

"Прости меня за всё".

Это были неожиданные извинения. Ён Чжи Пён был сбит с толку.

"Что? Что ты имеешь в виду?"

"Я никчёмный ублюдок. Я завидовал своему брату из-за гордости, которая ничего не стоила. Я должен был радоваться успехам брата, но не смог".

Ён Хо Джон опустил голову.

"Прости меня. Этого больше не повторится".

"Эй, брат! Чего ты вдруг заговорил об этом?"

"Я извиняюсь не для того, чтобы получить прощение. Я просто хочу признать свою ошибку и сказать, что больше этого не повторится. Вот и всё".

В прошлом, до того как клан Ён был уничтожена...

Ён Хо Джон ненавидел Ён Чжи Пёна до крайности.

И не без причины. Дело в том, что талант Ён Чжи Пёна был беспрецедентным в истории клана.

Талант Ён Хо Джона тоже был неплох, но он был ничем по сравнению с талантом его брата. Ён Хо Джон пять лет возводил башню кровью и потом, а Ён Чжи Пён построил её без особых усилий менее чем за три года.

Тем не менее, в детстве они неплохо ладили. Напротив, у них была более глубокая связь, чем у любых других братьев и сестёр.

Но когда Ён Хо Джону исполнилось пятнадцать...

Когда клан не знал, кому из братьев отдать должность юного господина...

Именно тогда Ён Хо Джон закрыл своё сердце. Он завидовал своему брату, ненавидел его и даже относился к нему так, как будто его не существовало.

'Какой же я был дурак'.

Для чего нужна была эта должность юного господина?

Он понял это после того, как клан распался, а его родные погибли. Нет ничего более жалкого, чем придавать значение тем должностям, которые они занимали в клане.

И он снова осознал это.

Будучи в бессознательном состоянии, он не мог размышлять о себе, но всё же любил своего отца и брата.

Он понял это слишком поздно. Но сожаление всегда приходит поздно, он упустил момент, чтобы извиниться перед своей семьёй.

Он хранил эту искренность в своём сердце всю свою жизнь.

"Я не буду много говорить. Мне просто жаль, и ещё раз жаль. Даже если ты будешь ненавидеть меня до самой смерти, я не буду разочарован или обижен".

"Брат".

Глаза Ён Чжи Пёна покраснели.

Он принёс рисовые шарики, набравшись смелости, потому что почувствовал, что взгляд брата изменился, когда он увидел его во время ритуала. Он пришёл с бьющимся сердцем, гадая, простил ли его брат.

Он почувствовал облегчение. Брат больше не ненавидел и не презирал его.

"У-у-у".

Он зарыдал, как гром среди ясного неба.

Ён Хо Джону стало жаль брата, и он смутился от его слёз.

Его брат был хорошим парнем. Такая реакция была естественной.

Но для Ён Хо Джона, который жил как правитель Неортодоксального Пути, такая реакция была очень редкой.

Разве слабые вызывают сочувствие? Чепуха.

Слабых топтали, убивали и использовали для обретения силы. Это был принцип выживания в мире боевых искусств Неортодоксального Пути. Они были не объектами сочувствия, а добычей.

В этом ненасытном промежутке времени и эмоций Ён Хо Джон ещё раз убедился, что вернулся в прошлое.

Через некоторое время Ён Чжи Пён успокоился.

"Прости меня. Я опозорился перед тобой, брат".

"О чём ты говоришь? Это я должен извиняться".

"Нет. Это всё моя вина, почему ты извиняешься?"

Он знал, что это не пустые слова. Поэтому он был ещё более сожалеющим и благодарным.

Ён Чжи Пён застенчиво улыбнулся. Он был счастлив, что их связь восстановилась, как бы это ни произошло.

Ён Хо Джон, сам того не осознавая, небрежно сказал:

"Говорят, что у тебя волосы на заднице вырастут, если ты будешь плакать и смеяться".

"Что?"

"..."

"..."

У Ён Хо Джона не было таланта к шуткам.

Ему не следовало делать то, к чему у него не было способностей. Он неловко кашлянул и сделал серьёзное лицо.

Ён Чжи Пён напрягся от перемены выражения его лица.

"Чжи Пён".

"Да?"

"Сколько тебе сейчас лет?"

Почему он вдруг спрашивает о его возрасте?

Он нервничал, но Ён Чжи Пён послушно ответил:

"Пятнадцать".

"Тогда мне восемнадцать, верно?"

"Ха? Да, да?"

Он почувствовал некоторое облегчение. У него осталось полтора года, а не шесть месяцев.

Конечно, это не означало, что у него есть время на отдых.

"Насколько ты продвинулся в изучении Техники Сердца Летающей Ласточки?"

В этот момент он услышал, что снаружи зала предков кто-то есть.

"Мастер Ён".

Это был деловой и жёсткий голос. Лицо Ён Чжи Пёна побледнело.

"Я знаю, что ты там. Я вхожу".

Скрип.

Дверь зала предков открылась, и в проёме появился крепкий мужчина.

У него был меч на левом боку и тяжёлый палаш за спиной. Его глаза были острыми, а аура — суровой.

Это был Кан Юн, глава Отряда Летающих Орлов.

"Выходи сейчас же".

Кан Юн даже не взглянул на Ён Хо Джона.

Ён Хо Джон кивнул.

"Иди".

"Увидимся через три дня, брат".

"Я знаю".

Ён Чжи Пён встал.

Кан Юн сказал:

"Ты должен забрать все вещи, которые принёс с собой".

"Ха?"

Кан Юн больше ничего не сказал. Он лишь посмотрел на Ён Чжи Пёна своим непоколебимым взглядом.

Ён Чжи Пён прикусил губу.

"Я принёс рисовые шарики с большим трудом. Разве тебе не нужны силы, чтобы просить прощения?"

"Я не знаю. Я знаю только, что награда и наказание клана Ён применяются в равной степени ко всем родственникам. Это приказ, отданный господином, поэтому его нужно выполнить".

Это был твёрдый голос, не терпящий возражений.

Ён Хо Джон завернул все рисовые шарики и передал их Ён Чжи Пёну. Ён Чжи Пён опустил голову.

"Я куплю тебе что-нибудь вкусненькое через три дня".

"Я знаю".

Глаза Кан Юна сверкнули.

Все в клане Ён знали, что братья не ладят. Но сегодня всё было немного иначе.

"Пойдём".

"Хорошо".

Его ноги, казалось, не касались земли, а шаги Ён Чжи Пёна были медленными.

Кан Юн уже собирался закрыть дверь зала предков, когда...

"Глава отряда Кан".

"Ты хочешь что-то сказать?"

"Это я велел ему принести рисовые шарики. Примите это во внимание, когда будете докладывать".

Глаза Кан Юна снова сверкнули.

"Я буду иметь это в виду".

Бах.

Дверь зала предков захлопнулась.

Ён Хо Джон улыбнулся.

'Я и не знал, что такая напряжённая атмосфера может быть настолько волнующей'.